

ГЛАВА 11

– Ты что же это такое, урод, делаешь? Ты у себя, блядь, когда дом строил, что, тоже арматуру провололочкой скручивал? – орал матом по-русски Арсений на индуса. Стоящая рядом Наташа тут же синхронно переводила наполовину не понимающему ее прорабу, а тот, в свою очередь, переводил рабочему, который знал только урду. Рабочий же, хлопая глазами, не понимал, что от него хотят и почему так громко орут.

– У вас тут, в Индии, что, не принято сваркой пользоваться? Где вообще у вас сварщики?

– Сэр, успокойтесь. Мы строим не первый год, – жестикулируя, стал объяснять прораб Наташе. – Сварщик не внесен в смету. Перед заливкой цемента арматура всегда связывается проволокой. Если конечно вы хотите, чтобы мы сварили, то мы сварим. Но для этого вам предстоит доплатить «экстра». И заморозить стройку на неделю. Хорошего сварщика сразу не найти.

– Да это же пиздец! Опять доплачивать?! Три месяца уже стройка идет, и каждый день мне нужно снова за что-то платить и переделывать! – опять взорвался криком наш герой. – Если я лично не проконтролировал каждую деталь, то это надо по-любому переделывать. Я понимаю, что по вашим стандартам и так сойдет. Но мне тут не надо говно делать. И что значит – заморозить на неделю? За рынком в Колве сотни рабочих готовых за сто рупий сварщиком весь день работать.

– Арсений, он говорит, что сметы все подписаны вами, а из-за того, что вы поставляете самых дешевых и неквалифицированных рабочих, все приходится переделывать по два раза.

– Скажи ему, Наташ, что арматуру сваривать профи не нужен. Скажи, что я сам сейчас поеду на базар и отправлю ему сварщика. Скажи, чтобы его люди пока не стояли без дела, а помогли бы рыть вон там яму под бассейн. Третий день копаются как сонные мухи.

Наташа переводила Арсения не первый день, и поэтому, сказав прорабу, чтобы дальше не работали, направилась за боссом, который пошел в сторону парковки. Она прекрасно знала, что ответит ей прораб – «арматурщики» не «копальщики», и никакую другую работу делать не умеют и не будут. Наташа уже понимала, что индусы очень узкопрофильные работники. Если индус умеет что-то делать хорошо, то это означает, что все остальное он делает плохо.

Вот уже три месяца Наташа чудно справлялась со своей миссией. Прорабы на стройке обосновывали дополнительные незапланированные расходы, а она, успокаивая Арсения, убеждала его с этим согласиться, объясняла, что это Индия, и что у всех точно такие же расходы. Она вовремя могла сказать – «Арсений, ну ты же не хочешь, чтобы было говно, как у всех остальных индусов, мы же строим для белых людей», и он соглашался, успокаивался, упиваясь своим превосходством над «низшими». Он уже прекрасно понимал, что бюджет может увеличиться вдвое, но тешил себя мыслями, что его неповторимый отель для белых людей будет вне конкуренции. Про раздувающийся бюджет тестю говорить не хотелось. Арсений нашел выход из положения – он просто начал патологически экономить на всем. Выписывая каждый день чеки на огромные суммы за хреново сделанную работу, он до смешного начал экономить на всякой мелочи. Он становился скупее и скупее с каждым днем. Наталье казалось иногда, что его жадность просто сводила его с ума. Он не включал днем, в самую жару, кондиционер, говоря, что электричество в Индии очень дорогое. Дорогой джип, что он арендовал первое время, сменил на простой автомобиль и отказался от услуг водителя. Но больше всего Наталью напрягало, что он всегда орал на неё. Она всегда была «крайней», и все накопленные за день проблемы по вечерам выливались ей на голову. А тем временем проблем на стройке становилось все больше и больше. Радовало одно, что пока ей прекрасно удавалось «вести» Арсения. С каждого выписанного на стройке чека она имела свой процент, который выдавал ей наличными Суреш вместе с инструкциями на следующую неделю. Она каждый раз старательно изображала радость, когда Арсений давал ей ежемесячную «огромную» зарплату в 500 баксов и, даже готова была спать с ним разочек в неделю, хоть и старалась изо всех сил каждый раз отвертеться от этого.

– Ну что ты там еле тащишься? У нас еще дел до самой ночи, – крикнул Арсений Наташе, которая, обутая в изящные босоножки, аккуратно лавировала между кучами строительного мусора. Нам в банк еще до сиесты успеть нужно. А то все закроются на три часа. Ленивые уроды! Им бы только не работать! – Что там у тебя записано сегодня по списку после банка?

– В сиесту мы должны поехать в психушку, забирать Сашу. Сегодня его выписывают.

– Сань, ты меня узнаешь? – испуганно произнес Арсений, смотря на сильно похудевшего друга.

Лысый, но с двухмесячной всклокоченной бородой, с черными кругами под глазами и несколькими шрамами на голове, Санек стоял почему-то с веником в руках и глуповато улыбался. Выглядел он плоховато. Но все-таки те два месяца, проведенные в психушке, пошли ему только на пользу – теперь он был спокойным и тихим. Дело в том, что Санек по-гоански загулял. Его неподготовленный мозг просто подрасплавился после непрекращающегося трипа длиной в месяц. Кто бы мог подумать, что химический препарат, который делает большинство людей добрыми и счастливыми, станет первым в той жуткой череде наркотиков, что употребит Санек, заставив его в итоге съехать с катушек и оскотиниться.

В ту ночь, когда Арсения впервые разрывало между нежностью и брутальной страстью к Наташе, Санек, обдолбанный вхлам, накуранный и пьяный, пытался найти себе телку на ночь среди фричек и туристок. Сначала ему навалили приезжие индийские туристы, когда он попытался нагло лапать их девушек. Затем его пару раз отдубасили русские фрики. В порванной одежде, окровавленный, похожий на загнанного в угол урку-гопника, он, шатаясь, орал во всю глотку посередине танцпола – «ПИДАРАСЫ!!! Вы все тут пидарасы!!! Я один здесь нормальный пацан!!!» Затем, забухав вместе с сумасшедшим русским джанки по кличке Ветер, бедный Санек совсем потерял голову. Ветра, который безвылазно торчал в Гоа лет пять, тоже уже много раз били, сажали в психушку, в тюрьму, но денег у него вернуться на родину не было, и поэтому он жил как бомж, клянча наркотики и выпивку у недавно приехавших туристов. Найдя в Саньке родственную душу, он так проникся новым другом, что разделил с ним две марочки ЛСД, которые хотел съесть сам под утро. После грамма МДМА, бутылки рома, бесчисленного количества косяков и чилумов, хорошая марка совсем вскрыла нетренированное сознание Санька. Вот тогда-то и полезли его бесы наружу. Точнее им помогли вылезти бесы Ветра, давно захватившие его мозг. Ветер считал себя христианским хип-хопером и видел свою миссию на земле в проповедничестве православного христианства при помощи рэп-стихов. Слушать его долго было невозможно, и поэтому туристы предпочитали что-нибудь ему дать, лишь бы тот свалил.

«Пора защитить честь девы Марии, зачатой непорочным зачатием из пистолета, этим летом, – Й-о-о, й-о», – пропел Ветер, и что-то окончательно перещелкнуло в голове Санька. Схватив бамбуковую палку, он выскочил на танцпол и стал биться с видимыми только ему одному чертями, громко надрывно матерясь. Ему казалось, что все вокруг превратилось в демонов и хотят зажарить его на адской сковородке. Недолго шла его битва со злом. С десяток гоанцев, отобрав у него палку, выгнали его из бара под безумный хохот Ветра. Придя в себя на рассвете, он снова попал в лапы Ветра. Занюхав по жирной дорожке кетамина, Санек опять потерял контроль над реальностью и пришел в себя уже в Чапоре, возле джус-центра, в окружении нескольких таких же торчков, как и Ветер. Его привели в чувство дешевой самогонкой «фени», а затем он курил через лампочку метамфитамин, нюхал героин, ел какие-то порошки, раздобытые Ветром. Незаметно дни переходили в ночи, а он все торчал и торчал. Его пытался забрать Арсений, вызванный Галлой, но безрезультатно. Санек дрался, орал на невидимых демонов, и, матерясь, посылал Арсения гореть в аду. Вот так, не просыхая, Санек гулял целый месяц.

После очередного звонка Галлы Арсений дал денег полицейским и приехал с ними в Чапору, спасти друга. Получив от них бамбу-массаж*, Санек был силой доставлен в больницу «Бамболим» для душевнобольных. Врачи прописали ему успокоительное, и он на время прекратил

* Бамбу-массаж – групповое избивание бамбуковыми палками.

свою битву. За месяц, торча под баньяном, где тусовались такие же флипанутые джанки как Ветер, бедный мозг Санька был засран всяческими отрывками ведических знаний, мантрами и прочей поверхностной индийской религиозной чушью. Ганеши и Шивы, Кали и Парвати, мантры и янтры, – все это провернулось в жуткий фарш в его голове. За те два месяца, пока он жил на транках в психбольнице, весь этот полурелигиозный бред укрепился, став прочным фундаментом его туннеля реальности. Сейчас Санек был уже не воин с демонами. Теперь он стал «Веник-баба». Так его прозвали санитары за то, что, держа над головой метлу, он громко читал мантры вперемешку с русскими молитвами. Затем, спустя еще какое-то время, которое он провел в больнице без транквилизаторов и больше не буянил, врачи его решили выписать.

– Да, я узнаю тебя, брат Арсений, – загадочно прошептал Санек и шагнул навстречу своему другу. – Спасибо тебе за все. Ты добрый человек. Но я решил, что мне мирского ничего больше не нужно. Я ухожу в бабы. Просветление пришло ко мне здесь. Ты за меня не бойся. Яды дьявольские я больше пить не хочу. Ухожу я странствовать. Стану народу мантры свои тайные рассказывать. Добрые люди мне деньги будут за это жертвовать. Есть у меня священный веник Шивы, через него мне мантры целительные в голову от бога приходят. – Ом нама Шивая, во имя отца нашего, и сына его Ганеша, Ом Шанкар, во веки веков!